

Елена Э. Шевченко

Значение маргинальных записей в монастырских рукописных материалах для истории культуры средневековой Руси

Przegląd Wschodnioeuropejski 7/1, 221-230

2016

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

ЕЛЕНА Э. ШЕВЧЕНКО

Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)

ЗНАЧЕНИЕ МАРГИНАЛЬНЫХ ЗАПИСЕЙ В МОНАСТЫРСКИХ РУКОПИСНЫХ МАТЕРИАЛАХ ДЛЯ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Significance of Marginal Entries in Monastic Hand-Written Materials for Cultural History of Medieval Russia

Ключевые слова: маргинальные записи, памятники письменности, древнерусская книжность, источниковедение, монастырская культура, микроисследование

KEYWORDS: marginal records, monuments of writing, ancient Russian book culture, source, monastic culture, microstudies

ABSTRACT: By marginal entries we mean such entries which aren't connected directly with a studying subject. At the same time, these records give some answers to the questions lying in an absolutely different area of absolutely different problems. This study reveals the importance of marginal records of the manuscripts of the National Library of Russia in St. Petersburg. Scribes Gerasim Novgorodets, Dionysius Kruk and Trifon Grechanin might not be the most significant writers of Old Russian culture, however detection of several facts of their biographies can help to determine the facts and biographies of statesmen of the medieval Russia's history. This article shows how the facts about a private life of the Old Russian monks and scribes collected as a result of "microresearch" of completely different documents could significantly influence dates of historical events as well as the biographies of persons who played an important role in the process of construction of the Russian state.

Под маргинальными записями в настоящей статье подразумеваются такие, которые не связаны напрямую с предметом изучения, то есть находятся за пределами исследования любой выбранной темы. Вместе с тем, эти записи дают возможность отвечать на вопросы, лежащие в совершенно иной плоскости применительно к абсолютно другим проблемам.

В данной работе значение маргинальных записей показано на конкретных примерах, почерпнутых из памятников письменности средневековой Руси, преимущественно хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (ОР РНБ, СПб),

ранее называвшейся Императорской публичной библиотекой. В основном, здесь рассмотрены рукописи из Собрания Библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря. Эта коллекция в XIX в поступила в Санкт-Петербургскую Духовную Академию, а в начале XX столетия в Императорскую публичную библиотеку (теперь переименованную в Российскую национальную). Какие заключения можно сделать, извлекая из рукописных материалов мелкие биографические сведения о малоизвестных древнерусских книжниках? Тема эта возникла потому, что часто слышишь скептические высказывания: «Зачем нужно изучать книжников: во-первых, древних; во-вторых, не оставивших заметный след в истории культуры Древней Руси». Возможно, книгописцы, о которых пойдет речь, сами по себе не принадлежали к выдающимся представителям древнерусской культуры. Однако установление некоторых фактов их биографий оказывается полезным для уточнения как биографических данных государственных деятелей, так и явлений, имеющих существенное значение для истории средневековой Руси.

Сведения об этих книжниках извлечены из объемных документов, не изданных до настоящего времени. Они собраны буквально по крупицам в результате своего рода «микрорисследования» письменных материалов.

Так, изучение монастырских приходо-расходных и отписных книг, составлявшихся в монастырях при смене их игуменов или строителей, а также грамот, синодиков и записей в рукописях позволяет выстроить биографическую канву жизни и деятельности монаха Герасима Новгородца.

В исследовательской литературе о нем как о книжнике ничего не было известно. Этот инок в конце XVII в. подвизался в крупнейшей обители северо-востока Московской Руси – Кирилло-Белозерском монастыре. Прозвище «Новгородец» свидетельствует о его происхождении из Новгорода Великого. Очевидно, он был весьма образованным монахом и выделялся среди насельников монастыря как знаток книжности. По сведениям, извлеченным из Отписных книг Кирилло-Белозерской киновии (Шевченко 2010, 85–97), он достиг высокого назначения – стал казначеем, а это третья по значимости ступень в монастырской иерархии после игумена и строителя. Благодаря своим неординарным способностям, в том числе и как руководителя, он был определен в качестве строителя (главы) Нило-Сорского скита. Эта обитель была основана в конце XV в. преподобным Нилом Сорским, писателем, идеологом партии нестяжателей, и стала своего рода интеллектуальным центром средневековой Руси. Однако, несмотря на то, что насельники этого скита, согласно Уставу его основателя, продолжали заниматься книгописанием, обитель с течением времени потеряла свою былую значимость и уже в XVI столетии была приписана к Кирилло-Белозерскому монастырю, откуда и назначались ее строители.

Выявлены четыре рукописи, написанные, судя по почерку, а также по записям в них, Герасимом Новгородцем (Шевченко 2010, 85–97). Все четыре сборника оформлены в одном стиле: они небольшого формата, в 16-ю долю листа, со всегда совпадающим средником на верхней крышке переплета и схожим тиснением. Декорированы они гравированными заставками старопечатного стиля со вписанными в эти заставки-рамки текстами (Враская 1983, 276)¹. Это своего рода мини-собрание монаха. Самым интересным из книг Герасима Новгородца для нас оказался литературно-патристический сборник (Шифр рукописи: РНБ, Кир.-Бел. 115/1192). Подборка его статей явно отражает личные пристрастия этого книжника к новым веяниям письменной культуры Древней Руси. В конце своей рукописи кирилло-белозерский книжник поместил любопытный текст, который озаглавил как «Единосогласие». Такое название напоминает термин: «двоестрочное согласие», которым вслед за Герасимом Смотрицким, автором стихотворного вступления к Острожской библии, обозначался в московской Руси XVII в. новый феномен – рифмованные двустушия (Панченко А.М. 1980, 320). В самом деле, несмотря на то, что текст из сборника Герасима Новгородца не разделен на строки, а только на строфы, он представляет собой двустушия, связанные созвучиями. При этом в нем проставлены ударения. Стихотворные вирши написаны неравносложием – относительной силлабикой – с парной достаточной рифмой, преимущественно женской, редко мужской и дактилической (об «относительном силлабизме» у московских поэтов XVII в. см.: Панченко 1980, 319). Скорее всего, «Единосогласие» является собственным сочинением этого книжника, во всяком случае, пока нет данных, свидетельствующих об обратном. Только две строки отдаленно напоминают строки из предисловия «Книги о вере», напечатанной в Москве в 1648 г. (Книга о вере, л. 7 об.).

Почему же у кирилло-белозерского монаха появился интерес к стихотворным произведениям? Общеизвестно, что XVII столетие в Московской Руси ознаменовано острой борьбой традиционного и новаторского в области художественного творчества. В это время происходит смешение, а также появление новых для русской культуры жанров и направлений. Таким нехарактерным явлением для русской книжной культуры предыдущего периода было сочинение стихотворных текстов – виршей. К концу XVII в. новые формы словесного творчества захватывают самые

¹ Заставки рукописей с краткой их характеристикой опубликованы в статье О. Б. Враской, однако написание этих книг отнесено здесь к разному времени и не соотносено с писцом. Шифры рукописей: РНБ, собрание Библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря № 119/124 и № 84/89 – далее шифры этой коллекции приводятся в следующем виде: Кир.-Бел. ...

широкие слои населения. Составление рифмованных произведений стало распространенным явлением и в среде монашества. Рукописные сборники Кирилло-Белозерского монастыря с этой точки зрения пока не достаточно изучены. Представляется, что появлению виршей в сборнике Герасима Новгородца могли способствовать следующие обстоятельства.

Как известно, в 1667 г. в Ферапонтов монастырь, а затем и в Кирилло-Белозерский монастырь, находящийся неподалеку от него, был сослан бывший патриарх московский и всея Руси Никон (Бриллиантов 1899). С именем Никона связана церковная реформа Московского государства XVII в., следствием которой стало движение старообрядцев; другим следствием этой же реформы было развитие такого важного для культуры России нового явления, как стихосложение в среде монашества. Именно с того времени, когда патриарх Никон в последние годы своей жизни оказался в ссылке в монастырях Белозерского региона, здесь наступил расцвет в области составления рифмованных произведений. Поэтому существенными являются любые факты, характеризующие жизнь опального патриарха в этот период.

Еще до ссылки в основанных им на реке Истре Воскресенском Ново-Иерусалимском и на Иверском озере Валдайском монастырях Никон создал литературные центры, в которых большая роль была отведена слаганию виршей и книгопечатанию (Поздеев 1961, 419–428; Панченко 1973, 103–115; Белоненко 1988, 73). Вместе с бывшим патриархом в добровольном заключении (в разное время) находились преданные ему монахи и представители белого духовенства (старцы Флавиан, Варлаам, Мардарий, черные попы Памва и Палладий, черные дьяконы Исая и Маркелл, белые дьячки Тараска (или Гераська) Матвеев и Ипатко Михайлов, Филагрий, Мисаил (см.: Бриллиантов 1899, 136; Севастьянова 2003, 247 ссл.; 2007, 453 ссл.). Возможно, при их посредстве в обителях Белозерского региона произошло знакомство с новыми формами словесного искусства. Во всяком случае, в это же время в Кирилло-Белозерском монастыре трудился книжник, головщик иеродиакон Григорий Жернов, постриженник, как указано в приписке на одной из принадлежавших ему рукописей, Воскресенского Ново-Иерусалимского «бывшаго великаго господина святаго Никона, патриарха Московскаго и всея Руси» монастыря. Все принадлежавшие ему певческие книги относятся к числу новоисправных наречных, то есть связаны с результатами никоновских реформ (о Григории Жернове см.: Безуглова 1988, 52–53; Рамазанова 2000, 13–14). Музыкальное искусство новоиерусалимских монахов было непосредственно связано с рифмотворчеством: не случайно исследователями древнерусской культуры никоновская школа названа «песенной поэзией» (Поздеев 1961). Таким образом, в Кирилло-Белозерской киновии в конце XVII в., несомненно, были

знакомы с литературными новшествами, которым покровительствовал Никон в своей обители на реке Истре. Герасим Новгородец, будучи старцем и занимая в Кирилло-Белозерской киновии достаточно высокий пост, безусловно, должен был быть в курсе событий монастырской жизни. По роду своей деятельности он не мог не общаться с Никоном лично. В Кирилло-Белозерской обители Герасим, судя по записям на выявленных рукописях и по данным Описей, находился по крайней мере с 1663 г. по 1682 г., и именно в этот период, с июня 1676 г. по август 1681 г., там отбывал ссылку опальный патриарх, переведенный из Ферапонтова монастыря. Более того, летом 1667 г. в Ферапонтов к Никону приезжала игуменья Воскресенского Горицкого девичьего монастыря Марфа, которая привозила полученные старицей этого же монастыря княжной Максимиллой от ее сестер московские новости и через нее же отправляла письма Никона в столицу (Севастьянова 2003, 254). Изучение же Отписных книг показывает, что Герасим Новгородец отписывал монастырское имущество не только Кирилло-Белозерского монастыря, но и Воскресенского Горицкого девичьего монастыря, и отписывал его новой игуменье – как раз Марфе Товарищевых (Севастьянова 2003, 254). В этой же Отписной книге упомянуты и вклады инокини княжны Максимиллы Шеховской. Из другой Отписной книги – Нило-Сорского скита – известно, что княжна дарила книги и в эту обитель, причем именно в то время, когда ее возглавлял Герасим Новгородец (Отписная книга 1994, 261–287). Таким образом, путем анализа Отписных книг разных монастырей, приходим к выводу, что Герасим Новгородец непосредственно общался с монахинями Горицкого монастыря, помощью которых пользовался в ссылке патриарх Никон. Учитывая же интерес Никона к воззрениям преподобного Нила Сорского (так как он начинал монашескую жизнь в Соловецком Анзерском скиту, устав которого сформировался под воздействием устава Нило-Сорского скита), и то обстоятельство, что Никон еще будучи в Ферапонтове (до 1671 г.), посещал Нилову обитель (Бриллиантов 1899, 166 ссл.), мысль о связи Герасима Новгородца и Никона не покажется надуманной.

Можно даже предположить, что Герасим и Никон были знакомы и раньше. Грамота патриарха Никона от 20 марта 1655 г. о ссылке казначея Герасима в Кирилло-Белозерский монастырь (Севастьянова 2003, 97; шифр грамоты: РГАДА, ф. 1441, оп. 6., д. 38.), возможно, касается именно Герасима Новгородца. Он упомянут в качестве казначея Кирилло-Белозерского монастыря в документах этой киновии уже в декабре 1659 г. (РГАДА, ф. 1441, оп. 1, д. 317, л. 1.; выдержки из документа опубликованы: Дмитриева 2003, 146).

Итак, изучение биографии и творчества доселе неизвестного кирилло-белозерского книгописца XVII в. Герасима Новгородца дает возможность прийти к следующим заключениям. Во-первых, выявление микроскопических

биографических сведений об этом книжнике позволяют уточнить некоторые факты биографии такого значительного для русской истории политического деятеля, как патриарх Никон. Во-вторых, несмотря на то, что неравносложные вирши Герасима Новгородца, не являются ярким образцом художественного творчества, но они важны для понимания специфики литературного процесса XVII в., в частности для истории силлабики.

Выявление фактов биографии другого кирилло-белозерского книжника, также способствует выводам, имеющим отношение к более широкой теме.

В начале XVII в. соловецкий постриженник, преподобный Елеазар, организовал свой скит на острове Анзер, входящий в Соловецкий архипелаг. При этом он предполагал ориентироваться на Скитский устав, какой был в обиходе в Нило-Сорском скиту. Об этом известно из Предисловия к Уставу Свято-Троицкого Анзерского скита, дошедшего до нас в рукописи собрания Соловецкого монастыря (шифр: ОР РНБ. Собрание Соловецкого монастыря, № 1129/1239, л. 5-5 об.). Впервые на это Предисловие обратила внимание И. А. Чудинова (1998, 115 ссл.), основываясь на составленном в XIX в. описании этой рукописи (Порфирьев 1898, 196). Предисловие же к уставу и его исследование опубликовано С. К. Севастьяновой (2001, 105 ссл.). Из Предисловия следует, что Елеазар обратился к настоятелю Соловецкого монастыря с просьбой, «чтобы нам пожаловали дали Устав скицкой, как поют на внешней стране, в Синайской горе, и окрест Иерусалима, и на Афонской горе, и у нас на Руси, старом ските Ниловском». Игумен Иринарх вместе с Уставом прислал уставщика Дионисия, по прозвищу Крюк, который «много времени жил в ските и в Кириллове монастыре был уставщиком» (Севастьянова 2001, 106). Таким образом, преподобный Елеазар Анзерский при устройстве своей обители пользовался наставлениями кирилло-белозерского уставщика Дионисия, который ранее некоторое время был насельником Нило-Сорского скита. Прозвище «Крюк» Дионисий получил, вероятно, потому, что он был клирошанином, то есть пел в церковном хоре на клиросе, а песнопения в Средневековой Руси исполнялись по записям, обозначенным в рукописях особыми значками, называвшимися «крюками». О. В. Панченко, основываясь на записи выявленной им рукописи Соловецкого собрания установил, что в Соловецком монастыре Дионисий был головщиком (то есть главой церковного хора), а фамилия его была Ерышкин (Панченко 2006, 737). Видимо, именно этот же Дионисий упомянут в числе братии Ниловой пустыни как клирошанин в феврале 1612 г. в Приходо-расходных книгах Нило-Сорской пустыни 1611-1612 гг. (Шифр рукописи: Государственный исторический музей, ГИМ. ОПИ, ф. 484,

оп. 1, № 74, л. 30. Подробнее об этом см.: Шевченко 2011, 120), и нет никаких сомнений в том, что он же назван в этом документе в качестве только что назначенного строителя Нилова скита 31 августа 1612 г.: «А налицо отдано новому строителю Нилова скиту старцу Деонисью Ярышкину 5 рублей 12 алтынъ с полуденгою». При этом, как показывает анализ чернил и почерка, с определением нового главы пустыни, очевидно, произошла какая-то заминка, поскольку имя этого старца в Приходо-расходных книгах явно вписано позже на специально оставленном для этого месте. Так вот, именно эти выявленные свежие сведения о Дионисии Крюке (фамилия, статус – строитель скита, датировка – 1611–1612 гг.), дают возможность подтвердить дату переселения преп. Елеазара на остров Анзер – 7123 г. (1614 г.), указанную им в автобиографическом рассказе (Севастьянова 2001, 16), поскольку Дионисий Ярышкин, по прозвищу Крюк, мог оказаться на Соловках не ранее сентября 1612 г., так как 31 августа этого года он стал строителем Нилова скита. Уточнение датировки основания Соловецкого Анзерского скита является важным фактом, поскольку именно с этим моментом исследователи связывают возрождение и распространение скитов на Руси – особой формы организации жизни монахов, принципиально отличающейся от общежительного устройства.

И, наконец, третий пример того, как изучение биографий скромных книжников влияет на уточнение определенных вех жизненного пути известных представителей политической элиты Древней Руси.

Речь пойдет также об иноке Кирилло-Белозеского монастыря – Трифоне Гречанине, и о его связи с видным церковным иерархом – Арсением Элассонским, имя которого очень важно для истории Древней Руси (Зилитинкевич 1992, 108–110; Маштафаров 2001, 442–446). Как известно, многие греки стремились найти помощь и утешение на Руси, которая с 1453 г. после завоевания Константинополя турками стала главной представительницей и защитницей православия. Некоторых эмигрантов притягивали Белозерские земли. Арсений Элассонский прибыл на Русь в 1588 г. в свите патриарха Иеремии II, целью приезда которого было испросить милостыню на строительство патриаршего собора в Константинополе и учредить патриаршество в России. В 1589 г. Арсений участвовал в рукоположении митрополита Иова в Патриарха Московского, в 1596 г. по повелению царя Федора Ивановича и патриарха он был назначен архиепископом Московского Архангельского собора, и с этого момента архиепископ стал принимать активное участие в событиях российской истории: в 1605 г. участвовал в низложении патриарха Иова, во время коронации Лжедмитрия I увенчал главу самозванца шапкой Мономаха, в 1606 г. – возводил на русский престол Василия Шуйского, в 1613 г. принимал участие в избрании царем Михаила Федоровича. Перу Арсения

Элассонского принадлежат на греческом языке поэма об установлении патриаршества на Руси, а также мемуары, в которых он осветил не только современные ему исторические события, но и события русской истории в целом (Дмитриевский 1899; Питирим, епископ (Нечаев) 1968, 251–280). Впоследствии он был назначен архиепископом Тверским, а окончил свои дни в 1626 г., будучи главой Суздальской кафедры.

Роль Трифона Гречанина в исторической действительности Средневековой Руси, безусловно, уступает по значению роли Арсения Элассонского (Шевченко 2011, 122; 2015, 163–179). Судя по прозвищу, он был греческого происхождения, и волею судеб, в начале XVII столетия оказался в Белозерье. Трифон Гречанин неоднократно упоминается во вкладных и приходо-расходных книгах Кирилло-Белозерского монастыря с ноября 1611 г. по ноябрь 1629 г. как старец этой обители (Дмитриева 2010, 158 ссл.). При этом он нес послушания не только в стенах монастыря, но и за его пределами: с 1611 по 1619 г. он возглавлял монастырскую соляную службу в Вологде, а с 1624 г. возглавлял Нило-Сорский скит (Шевченко 1997, 154). С ноября 1626 г. по ноябрь 1629 г. по праздникам ему доверяли собирать «молебные» деньги у «чюдотворцева гроба» (Дмитриева 2010, 255 ссл.). Очевидно, ему не были чужды и книжные интересы. Вкладные книги Кирилло-Белозерского монастыря и Приходо-расходная книга Нило-Сорского скита 1641 г. неоднократно указывают его в качестве вкладчика книг (Шифры рукописей: Вкладная книга Кирилло-Белозерского монастыря – Кир.-Бел. 87/1325, л. 409 об.; Приходо-расходная книга Нило-Сорской пустыни 1641 г. – Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук (СПБ ИИ РАН). Архив, кол. 115, № 668, л. 8 об.). Поручали Трифону и более ответственные дела: в сентябре 1615 г. он был послан в Москву «для государева дела» (Дмитриева 2010, 139). Однако самым важным для нашей темы является следующее известие: в период со 2 по 17 апреля 1616 г. Трифон Гречанин ездил для встречи с Арсением Элассонским: «Старец Трифон Гречанин от Арсения архиеписпа [так!] Тверскаго привес 20 алтын, написати 6 имен в Синаник. Старец же Трифон дал 16 алтын 4 денги, написати 5 имян в Синаник» (Дмитриева 2010, 136). В самом деле, в монастырском Синодике имеются записи с указанием поминать членов семей этих греков (Шевченко 2015). Информация, свидетельствующая о непосредственных контактах Арсения с Трифоном, исключительно важна для биографии высокопоставленного грека. До сих пор открытым оставался вопрос о времени перевода Арсения на Суздальскую кафедру, так как некоторые исследователи считают, что это случилось в 1615 г. (Маштафаров 2001, 444 б-в.; 2008, 80). Наши новые данные – дата встречи Арсения и Трифона (апрель 1616 г.), а также при этом именование Арсения еще архиепископом Тверским – свидетельствуют

о том, что до апреля 1616 г. Арсений еще не был назначен на Суздальскую кафедру.

Итак, общим выводом данной статьи является следующее заключение. Выявление, казалось бы, незначительных частных фактов биографий некоторых малоизвестных и неизвестных вовсе древнерусских книгописцев, почерпнутых из разнохарактерных источников, нередко добавляет существенные штрихи к биографиям некоторых лиц, игравших важную роль в историческом процессе, и приводит к уточнению датировок событий, имеющих большее значение для Древнерусского государства.

Библиография

- Безуглова, И. Ф. (1988), Маргиналии в рукописных книгах Кирилло-Белозерского монастыря как источник по истории русской музыкальной культуры. В: Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг. Ленинград, 51–66.
- Белоненко, В. С. (1988), Из истории книгопечатания Иверского Валдайского монастыря. В: Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг. Ленинград, 67–76.
- Бриллиантов, И. И. (1899), Ферапонтов Белозерский монастырь – место заточения патриарха Никона. Санкт-Петербург.
- Враская, О. Б. (1983), Об орнаментации книг из Кирилло-Белозерского монастыря. В: Древнерусское искусство: Рукописная книга. 3. Москва, 267–276.
- Дмитриева, З. В. (2003), Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. Санкт-Петербург.
- Дмитриева, З. В. (2010), Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря 1601–1637 гг. / Сост. З. В. Дмитриева. Москва – Санкт-Петербург, 2010.
- Дмитриевский, А. (1899), Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории: по рукописи трапезундского Сумелийского монастыря. Киев.
- Зилитинкевич, В. С. (1992), Арсений Елассонский. В: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Санкт-Петербург. 3/1, 108–110.
- Книга о вере. (1648), Москва.
- Маштафаров, А. В. / Флоря Б. Н. (2001), Арсений Элассонский. В: Православная энциклопедия. 3. Москва, 442–446.
- Маштафаров, А. В. (2008), Арсений Элассонский – архиепископ Суздальский и Тарусский 1615–1625 гг. В: Арсений Элассонский – архиепископ Суздальский. Владимир.
- Отписная книга. (1994), Отписная книга Воскресенского Горичского девичьего монастыря отписчиков Кириллова монастыря черного попа Матвея и старца Герасима Новгородца игуменье Марфе Товарищевых. В: Кириллов: Историко-краеведческий альманах. 1. Вологда, 261–287.
- Панченко, А. М. (1973), Русская стихотворная культура XVII в. Ленинград.
- Панченко, А. М. (1980), Литература «переходного века». В: История русской литературы. 1: Древнерусская литература. Литература XVIII в. Ленинград, 219–407.
- Панченко, О. В. (2006), Книжники Соловецкого монастыря XVII в. В: ТОДРЛ (Труды Отдела древнерусской литературы). 57. Санкт-Петербург, 688–793.
- Питирим, епископ (Нечаев). (1968), Арсений, архиепископ Элассонский, и его поэма об учреждении русского патриаршества. В: Богословские труды. 4. Москва, 251–280.

- ПОЗДВЕР, А. В. (1961), Никоновская школа песенной поэзии. В: ТОДРЛ (Труды Отдела древнерусской литературы). 17. Москва / Ленинград, 419–428.
- ПОРФИРЬЕВ, И. Я./ Вадковский, А. В./ Красносельцев, Н. Ф. (1898), Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной академии. 3. Казань.
- РАМАЗАНОВА, Н. В. (2000), Певческие рукописные книги Кирилло-Белозерского монастыря. В: Монастырская традиция в древнерусском искусстве. К 600-летию Кирилло-Белозерского монастыря. Санкт-Петербург, 8–15.
- СЕВАСТЬЯНОВА, С. К. (2001), Преподобный Елеазар, основатель Свято-Троицкого Анзерского скита. Санкт-Петербург.
- СЕВАСТЬЯНОВА, С. К. (2003), Материалы к «Летописи и литературной деятельности патриарха Никона». Санкт-Петербург.
- СЕВАСТЬЯНОВА, С. К. (2007), Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: Исследование и тексты. Москва.
- ЧУДИНОВА, И. А. (1998), День соловецкого клирошанина («клиросское житие» и «житие монашеское» по архивным документам и рукописям Соловецкого монастыря XVII–XVIII вв.). В: Наследие монастырской культуры. Ремесло, искусство, искусство. 3. Санкт-Петербург, 91–131.
- ШЕВЧЕНКО, Е. Э. (1997), Книжные вклады «именитых людей» XVI–XVII вв. в Нило-Сорскую пустыню. В: Рукописные памятники. 4. Санкт-Петербург, 145–162.
- ШЕВЧЕНКО, Е. Э. (2010), Скит преподобного Нила Сорского в контексте письменной культуры Древней Руси. В: Русская литература. 1. Санкт-Петербург, 85–97.
- ШЕВЧЕНКО, Е. Э. (2011), Заметки о Соловецких и Нило-Сорских книжниках. В: Первая международная научная конференция «Духовное и историко-культурное наследие Соловецкого монастыря». Сб. науч. статей и докладов. Соловки, 119–124.
- ШЕВЧЕНКО, Е. Э. (2015). Строитель Нило-Сорской пустыни Трифон Гречанин, архиепископ Элассонский Арсений и «странствующий клирошанин» Иона Соловецкий. В: Россия и Христианский Восток. 4–5. Москва, 163–179.